

альная заметка о нем. В библиографичеcкой статье «Барокко» не указаны статьи акад. Д. С. Лихачева, к заметке «Труд» — статья Л. Н. Пушкарева и т. д.

В изданиях типа «Энциклопедии» не следует злоупотреблять цитатами, как это делает Л. Рерих в своей в целом крайне интересной, но чрезмерно разросшейся статье «Антропология».

Досадные пропуски и неточности встречаются и в статьях об отдельных ученых. Так, например, в статье о Вальтере Андерсоне не указано, что он в течение ряда лет преподавал в Казанском университете. Это упущение особенно удивляет, потому что в непосредственно следующей за ней статье об Н. П. Андрееве говорится о том, что последний написал свою магистерскую работу в Казани под руководством В. Андерсона. Не указаны и работы Андерсона, вышедшие на русском языке. В статье о М. К. Азадовском не указана «Библиография М. К. Азадовского 1913—1943», составленная Н. С. Бер и опубликованная в 1944 г. В статье о Бабе-Яге не упомянута точка зрения К. Д. Лаушкина, сближающего этот образ с представлениями об одноногом божестве. В статье о Борме-Ярыже ничего не сказано о несомненной связи этой сказки с повестью о Вавилонском царстве.

Отдельные упущения, неточности неизбежны в столь грандиозном труде, как «Энциклопедия сказки». Они не должны умалять в наших глазах научное значение этого труда: оно велико и бесспорно. Не меньше и его общественная значимость — ничто не объединяет ученых разных стран и народов так крепко и последовательно, как общая научная работа.

Исходя из этого, хочется поблагодарить инициаторов «Энциклопедии сказки» за их подлинно научное, глубоко гуманистическое начинание и пожелать «Энциклопедии» успеха на предстоящем ей длительном пути и благополучного завершения.

Э. В. Померанцева

НАРОДЫ СССР

Новый быт — новые обычаи (формирование прогрессивных традиций у народов Кабарда-Черкесии). Отв. ред. С. М. Арутюнян. Ставрополь, 1977, 157 стр.

Формированию новых традиций посвящено уже немало научных исследований и множество научно-популярных публикаций. Однако почти все они, и прежде всего собственно научные работы, написаны в русле какой-нибудь одной общественной дисциплины, например этнографии или социологии. Многие, кроме того, остаются в пределах какой-нибудь одной исследовательской сферы, например семейного быта. Разумеется, такой подход к проблеме достаточно плодотворен, так как открывает возможность ее детального и углубленного исследования в выбранном «срезе». Но не менее, если не более, продуктивен и другой подход, представленный комплексной разработкой проблемы объединенными усилиями этнографов, социологов, правоведов, фольклористов, искусствоведов, психологов и других специалистов. Именно такой пока еще несчастный путь избран авторским коллективом рецензируемой книги, и в этом следует видеть ее первое крупное достоинство.

Второе достоинство книги, на наш взгляд, состоит в том, что механизм формирования новых традиций раскрывается в ней объективно и полнокровно. Новое складывается в борьбе со старым, положительное — в преодолении отрицательного, и авторский коллектив отнюдь не стремится умолчать о тех пережитках прошлого, которые еще мешают становлению прогрессивных традиций. И это можно только приветствовать. Без этого наука едва ли помогала бы высветить «попытки воспевать патриархальщину» и «еще встречающиеся отклонения от социалистических норм нравственности»¹, о чем, к сожалению, не всегда в достаточной мере помнят авторы работ на данную тему и издательства, выпускающие эти работы.

Книга состоит из 11 разделов, в которых последовательно рассматриваются: место и роль обычаев и традиций в развитии общества — I, социальная оценка обычаев и традиций — II, фетишизация затрат в обычаях и обрядах — III, психология обычая — IV, соотношение права и обычаев — V, отражение прогрессивных обычаев и обрядов в фольклоре — VI, традиции декоративно-прикладного искусства — VII, роль народных ремесел в новом быту — VIII, отмирание старых и утверждение новых обычаев и обрядов в быту — IX, охрана родной природы в традициях и быту народа — X и пути преодоления устаревших обычаев и традиций — XI.

¹ Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. — «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, с. 75, 78.

Обобщения основаны на этнографических и этносоциологических данных Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института экономики, истории, языка и литературы, в меньшей степени — на судебно-архивных, газетных и литературных данных. Этносоциологические данные получены сектором социологии названного института в 1974 г., но в книге они едва отличимы от этнографических, так как количественные показатели не приводятся или приводятся скупо. В большинстве разделов рассматриваются все четыре коренных народа автономной области — карачаевцы, черкесы, абазыны и ногойцы, реже — также и русское население. Делаются, хотя и нечасто, сопоставления с другими народами СССР, главным образом другими народами Кавказа, а также Средней Азии.

Первый раздел (авторы С. М. Арутюнян и В. Р. Багдасаров) по существу является развернутым введением к книге, которое дает читателю предварительное представление о сюжетах последующих разделов. В то же время это и теоретический раздел, где характеризуются обычаи и традиции как социальные явления и делается попытка, с одной стороны, различить и определить эти понятия, а с другой — классифицировать их в соответствии с различными сферами жизни. Как известно, и на тот, и на другой счет в науке нет утвердившихся общепринятых мнений, и всякая новая попытка в этой области может сыграть положительную роль. Эта, однако, вызывает возражения, о чем речь будет идти ниже.

Во втором разделе (автор А. В. Авксентьев) также предлагается классификация обычаев и традиций, но с точки зрения их социальной ценности. Здесь различаются демократические по происхождению традиции, сохранившие свое значение, а также утратившие ценность в новых условиях; традиции не народные и, наконец, традиции, в которых сложно сплелись народные и антинародные элементы. Автор справедливо предостерегает против отгульного отнесения всех традиций к категориям национальных или, напротив, вредных, антинародных и на конкретных примерах показывает важность их социального анализа. Все примеры взяты из области этнографии: взаимопомощь, гостеприимство, календарные праздники, пережитки калыма и свадебное одаривание, брак уходом и т. п.

Третий раздел (автор Г. Т. Гочияев) удачно продолжает и дополняет второй. Здесь обстоятельно описывается и анализируется одна из наиболее распространенных негативных традиций семейного быта современной Карачаево-Черкесии — непомерность затрат на свадьбах и похоронах. Особое внимание к фетишизации расходов оправданно и своевременно: перед нами не столько пережиток, сколько складывающаяся традиция, порождающая тем, что рост материального благосостояния порою намного опережает культурный, духовный рост. В разделе интересно сопоставление свадебных обычаев разных народов автономной области: карачаевским свадьбам с их особенно высокими тратами противопоставляется как положительный образец значительно более скромная ногойская свадьба.

Теоретичен четвертый раздел (автор А. П. Сядельковский), где выявляются психологические основы традиций и обычаев и прежде всего важнейший элемент психологии поведения — его мотивация. Автор останавливается на таких мотивах, как трудолюбие, патриотизм, укрепление и развитие семейных отношений, следование традиции и др. Из всех разделов книги в этом, может быть, четче всего применяются конкретные приемы этносоциологии: так, мотивация поведения в ряде случаев рассматривается по возрастным группам; учитываются также изменения в социальной активности женщин и молодежи. Общий вывод заслуживает того, чтобы его процитировать: «хотя наиболее устаревшие мотивы обычаев со временем уступают место более прогрессивным, нельзя рассчитывать, что социальный процесс автоматически приведет к окончательному вытеснению старого сознания новым... Формирование новых, подлинно социалистических мотивов поведения людей неразрывно связано с воспитательной работой общественных организаций» (стр. 73).

В пятом разделе (автор У. К. Гагуев) исследуются правонарушения, связанные с местными обычаями и традициями. Эти правонарушения, все еще отраженные в уголовных кодексах союзных республик, в юридической литературе обычно обобщаются в четыре категории преступлений: посягательства на семейно-брачное равноправие женщин, посягательства на ее общественно-экономическое равноправие, посягательства на жизнь, здоровье и достоинство женщины, связанные с ее раскрепощением, и прочие преступления, составляющие пережитки местных обычаев (кровная месть и др.). Исследование судебных архивов показало, что за последние 10—15 лет на территории Карачаево-Черкесии не было зарегистрировано ни одного преступления последних трех категорий, но преступления первой категории пока не изжиты. Это — уплата и принятие калыма, связанное с этим заключение соглашения о браке, принуждение к браку или воспрепятствование ему. Автор останавливается на уловках, используемых для обхода закона, и предлагает практические рекомендации профилактики противоправного поведения. Учитывая особое социальное зло, причиняемое обычаям берне (непомерно воз-

² См., например: И. В. Суханов. Обычай, традиции и преемственность поколений. М., 1976; И. А. Кривелев. Современные обряды и роль этнографической науки в их изучении, формировании и внедрении. — «Сов. этнография», 1977, № 5.

рошение подарки стороны невесты стороне жениха), он предлагает ввести законодательное запрещение этого местного обычая.

Разделы шестой (автор Л. А. Бекизова) и седьмой (автор В. А. Басманов) посвящены традициям народного творчества, устного и изобразительного. Первый из них нацелен на выявление в фольклорных источниках преимущественно прогрессивных обычаев и обрядов, народного нравственного опыта. В нем приводятся материалы, показывающие, что народ в своем устном поэтическом творчестве осуждал неполноправие женщины в патриархально-феодальном обществе — покупной брак, многоженство и т. п. Во втором разделе коротко характеризуются ценные традиции декоративно-прикладного искусства народов Карачаево-Черкесии, оставшегося неразвитым из-за исламских запретов и получившего значительные возможности для своего совершенствования в советское время. Вместе с тем автор привлекает внимание к тому тревожному факту, что «начиная с 50-х годов развитие народного искусства приняло в известной мере однобокий утилитарный характер, пошловширь, а не вглубь» (стр. 105). В соответствии с Постановлением ЦК КПСС «О народных художественных промыслах» следует предпринять шаги к дальнейшему развитию народного искусства автономной области, в частности национальной орнаментики в архитектуре и изделиях местной промышленности. Эти же вопросы еще более обстоятельно рассматриваются в следующем, восьмом разделе (автор И. А. Агирбов). В нем сопоставляются судьбы угасающих (например, золототкачество) и развивающихся (например, резьба по камню) народных промыслов и предлагаются практические меры к возрождению ряда традиционных ремесел. Важнейшие из таких мер — изготовление нестандартного оборудования, организация экспериментальных лабораторий, обучение мастерству уже в общеобразовательных школах. Отмечается также необходимость создания специализированных фирменных магазинов.

В девятом разделе (авторы М. И. Мижаев, Л. З. Кунижева, Р. Х. Керейтов и М. И. Узденов) углубленно исследуется трансформация обычаев и обрядов бытовой сферы. В качестве примеров такой трансформации избраны традиции, связанные с началом и завершением сельскохозяйственных работ, гостеприимством, уважением к старшим, свадебными торжествами. Авторы показывают отмирание в них черт, несоместимых с советским образом жизни, и укрепление черт положительных, подлинно национальных. Здесь же обращается внимание на становление таких совершенно новых обрядов, как посвящение в рабочие, чествование передовиков производства, трудовые юбилеи, а также на примере обычаев избегания указывается на неизбежное ослабление псевдонародных традиций. К сожалению, большой фактический материал, относящийся именно к сфере бытовых традиций, уже использован в предыдущих разделах, и этот производит впечатление несоразмерно короткого.

Последний из тематических разделов, десятый (автор А. А. Малышев), принадлежит к числу самых злостных: в нем привлекается внимание к экологическим традициям. Забота об охране родной природы прослеживается в фольклоре, в народной педагогике, в деятельности существующих уже многие десятилетия специальных обществ. Все же большая часть этого раздела несколько выпадает из рамок темы: здесь просто говорится о природных богатствах области и о необходимости их беречь.

XI раздел (автор Авксентьев) — заключительный. В нем обобщаются важнейшие практические рекомендации к преодолению устаревших традиций. Автор указывает на необходимость точного учета этнопсихологической подготовленности населения к пропагандируемому традициям; недопущения административных мер там, где это не вызвано строгой необходимостью, и принятия таких мер там, где нарушен закон; широкой организации общественного мнения, в том числе мнения уважаемых стариков; дальнейшей активизации комсомола, производственных коллективов и женских организаций. И со всем этим следует согласиться.

Таким образом, и специалист, и широкий читатель найдут в рецензируемой книге богатый, а главное равнососторонний материал о процессе формирования прогрессивных традиций у народов Карачаево-Черкесии. Найдут они и недостатки, от которых не свободна ни одна книга. Наиболее существенным из них представляется бросающаяся в глаза нечеткость в трактовке понятий «обычай» и «традиция» и в их классификации. Выше уже говорилось, что на этот счет нет установившейся точки зрения, и авторский коллектив нельзя упрекнуть в заведомой ошибке. Но значит ли это, что в коллективной монографии (не в сборнике статей!) могут уверенно даваться три разных определения обычая и традиции? Между тем здесь дело обстоит именно так. Авторы первого раздела считают, что обычаи возникли в эпоху родового строя и «формируют простые привычки», а традиции — в классовом обществе и «формируют сложные установки» (стр. 7), автор второго раздела фактически все время употребляет эти термины синонимически, а автор пятого раздела рассматривает традицию как категорию, более широкую, чем обычай, включающую в себя, наряду с нормами, идеи, убеждения, взгляды и представления (стр. 75). Нет ясности и в вопросе о соотношении обычая и обряда: во втором разделе они различаются как целостное и символическое действие (стр. 30), а в девятом разделе калым и берне фигурируют как обряды (стр. 119). В предлагаемой автором первого раздела классификации обычаев и традиций они подразделяются на две группы: 1) нравственные, правовые, религиозные и 2) национальные, классовые, семейные (стр. 9). Здесь непонятна и сама эта разбивка на две группы (разве нравственные или правовые обычаи не являются одновременно национальными, классовыми и т. п.?), и состав групп (где же обычаи сословные, профессиональные, общественно-бы-

товые?), и ранг классифицируемых единиц (не соподчинены ли национальные, классовые, семейные обычаи?). Есть и нечеткости более частного характера. Так, непонятно, почему в пятом разделе выбор женой фамилии мужа при вступлении в брак поставлен чуть ли не в один ряд с преступлениями, составляющими пережитки местных обычаев. «Право на фамилию — это личное право гражданина, и уступка в этом вопросе уставшим обычаям должна быть расценена, по меньшей мере, беспринципностью» (оставляем стиль оригинала.— *Ред.*) (стр. 831. Между тем ясно, что хотя пределы выбора фамилии действительно регулируются законом, в рамках последнего любой выбор — вопрос сугубо личный. Да и подготовлены ли народы Карачаево-Черкесии этнописхологически к выдвигаемой автором пусть только нравственной максиме? Ведь и у других народов СССР пока еще абсолютно преобладает выбор обоеими брачующимися фамилии мужа.

Однако такие частности не должны затмевать главного. Карачаево-Черкесия одной из первых среди автономных республик и областей Северного Кавказа еще в начале 1960-х годов развернула активную работу по внедрению в быт новых обычаев и обрядов. Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт первым среди исследовательских учреждений региона выпустил содержательную коллективную монографию о формировании прогрессивных традиций. И поэтому рецензируемая книга представляет собой заметное событие в кавказоведении вообще, этнографическом кавказоведении в частности.

Я. С. Смирнова

Ю. В. Гагарин. История религии и атеизма народа коми. М., 1978, 326 с.

Рецензируемая книга представляет собой солидное научное исследование, посвященное истории религии и атеизма народа коми. Ее можно считать заметным вкладом в научную разработку этой сложной и важной проблемы. Материал книги имеет существенное значение не только для истории, идеологии и духовной культуры коми народа, но и для советского религиоведения в целом. Выход подобных книг по отдельным национальным республикам позволит создать обобщающие работы о месте и роли религии и атеизма в истории всей нашей страны. Работа Ю. В. Гагарина вызывает интерес и в методологическом плане. Насколько нам известно, рецензируемая книга является одной из первых, где последовательно излагается история религии и атеизма конкретного народа с древнейших времен до наших дней.

Книга написана на базе обширных архивных материалов и литературных источников, имеющих прямое или косвенное отношение к рассматриваемой проблеме, которым дана критическая оценка; высказываются оригинальные суждения по ряду положений, содержащихся в трудах дореволюционных и советских авторов. При написании разделов о современном состоянии религиозных пережитков в республике Ю. В. Гагарин использовал материал, собранный им во время многолетних этнографических экспедиций. Следует указать, что автор уже издал по затрагиваемой проблеме немало публикаций, положительно оцененных специалистами и общественностью¹.

Рецензируемая монография состоит из введения, пяти глав и заключения. В одном из разделов первой главы дается характеристика дохристианских верований древних коми. На основании этнографических, археологических, летописных, житийных и других источников автор реконструирует древние верования коми. В книге содержится интересный материал о персонажах демонологии, таких, как «ворса» (дух леса), «куль», «васа» (дух воды), «олысь» (дух дома) и др. Заслуживает внимания и описание «шевы» — материализованного представления о духе болезней, а также своеобразного представления коми о двух душах: внутренней (лов) и внешней (орт). Ю. В. Гагарин останавливается также на религиозных верованиях коми в условиях начавшейся классовой (феодальной) дифференциации, когда происходит не только дальнейшее абстрагирование верований, но и возникают представления об иерархии в мире духов. Характеризуя древние религиозные верования, обряды и другие элементы дохристианской религии пермских этнических групп, автор попытался выявить, хотя в ряде случаев и схематично, их истоки и причинные взаимосвязи, наметить и проследить пути последующей эволюции.

Большое место в монографии Ю. В. Гагарина отведено христианизации пермских племенных объединений — перми Вычегодской, перми Великой и т. п. Охарактеризованы особенности миссионерской деятельности Стефана Пермского и его последователей, дано аргументированное и по ряду аспектов оригинальное объяснение сравнительной «легкости» обращения коми-язычников в христианскую веру. Автор высказывает и, на наш взгляд, убедительно аргументирует мысль о том, что христианизация в Коми крае наталкивалась в основном на сопротивление местной родо-племенной знати, но находила известную поддержку среди общинников. Немаловажное значение для

¹ См.: Ю. В. Гагарин. Религиозные пережитки в Коми АССР и их преодоление. Сыктывкар, 1971; его же. Старообрядцы. Сыктывкар, 1973, и др.